

УДК 94(470.41)"1930"

ПРОБЛЕМА БЕСПРИЗОРНОСТИ ДЕТЕЙ В ТАССР В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА

И.И. Ханипова

Аннотация

В работе рассматривается одна из важных проблем социальной истории ТАССР 30-х годов XX в. – массовая детская беспризорность. Особое внимание уделяется росту детской беспризорности как последствию голода 1932–1933 годов и конца десятилетия, представлен образ беспризорника предвоенных лет.

Ключевые слова: голод, бедность, детская беспризорность, безнадзорность, приемник-распределитель, детский дом, патронирование.

В 30-е годы XX в., несмотря на официальное заявление государства о полной ликвидации массовой уличной беспризорности детей, присутствие на улицах беспризорных и безнадзорных детей было частым явлением. Различий между понятиями «беспризорный» и «безнадзорный» в рассматриваемый период практически не делали. В официальной документации фигурировало выражение «детская беспризорность», объединившее значение обоих понятий, а с 1935 г. появляется и термин «безнадзорность» (см. [1, с. 130]).

В этот период начинается второй этап в развитии детского сиротства и беспризорничества. Он связан со многими факторами: раскулачиванием и кулацкой ссылкой, административными и партийными чистками, репрессиями, переселением различных категорий граждан и т. д. Все это в совокупности повлекло за собой массовую гибель людей и голод, в результате чего большое количество детей осталось без родительской опеки [2, с. 23]. На наш взгляд, важной причиной массовой беспризорности в Татарской республике стал голод начала 30-х годов XX в. Доказательством тому служат, в частности, участвовавшие к 1933 году факты подбрасывания детей в детские учреждения, нищенствование детей малолетнего возраста на улицах Казани.

В 1933 г. в связи с огромным наплывом беспризорников сеть детских домов, существовавшая в республике, была не в состоянии охватить всех детей. В этот год в Казани дважды собирали беспризорных детей, которых затем пристраивали в детдома или же сразу передавали на патронат по районам республики. Кроме того, в Казани было дополнительно организовано три временных детприемника, задачей которых было оказывать детям общественную помощь, способствовать их адаптации в коллективе. В приемниках-распределителях дети могли находиться не более одного месяца. По истечении указанного срока их

должны были направить в детское учреждение соответствующего типа либо, если были живы родные, вернуть родителям или родственникам (СПР, с. 474).

Постановление о ликвидации детской беспризорности вышло в 1935 г., а к февралю 1940 г. через приемник-распределитель НКВД было пропущено более 10,5 тыс. детей (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2640. Л. 1), из них 3860 человек стали беспризорными по причине смерти родителей, 3183 человека – в силу тяжелых материальных условий. Кроме того, по приказу Наркома путей сообщения и Наркома просвещения РСФСР от 29 ноября 1933 г. «Об усилении работы по ликвидации детской беспризорности на железнодорожном транспорте» в 1934 г. в Казани, как и в ряде узловых станций страны, действовал вагон-приемник для беспризорных.

В 1934 г. в ТАССР было 22 детских дома, из них 1 приемник-распределитель, 15 для нормальных детей (школьного и дошкольного возраста), в том числе 1 для детей, страдающих венерическими заболеваниями. Для детей с отклонениями в физическом или психическом развитии («физически дефективных») предназначались 6 детских домов: 3 для глухонемых, 2 для слепых и 1 для умственно отсталых детей (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 1965. Л. 3). Однако принципы укомплектования часто не соблюдались, и на протяжении 30-х годов XX века в детских домах нормального типа встречались морально дефективные дети. Территориально 18 детских домов находились в районах республики, 4 – в Казани. По национальной принадлежности детей 4 детдома преимущественно были татарскими, 3 – русскими, 15 – смешанными.

К концу 1938 г. в Татарии функционировало 24 детских дома: 13 школьных, 4 дошкольных (один из которых был для глухонемых детей), 7 специальных (в том числе один с особым режимом). На 1 февраля 1940 г. в республике насчитывалось 25 детских домов: 17 нормального типа, 6 для дефективных детей и 2 специальных детдома (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2640. Л. 29).

Если на 1 сентября 1934 г. общая численность детей в детских домах ТАССР составляла 2328 человек (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 1963. Л. 6), на 1 сентября 1935 г. – 2450 человек¹ (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2088. Л. 13), то к началу 1940 г. – уже 3603 человека. Это значительно превышало количество детей, которое могли принять детдома республики. На наш взгляд, резко возросшее количество детей-сирот, беспризорных детей объясняется голодом, который испытали жители республики, особенно сельских районов, накануне Великой Отечественной войны (см. [3, 4]). Увеличился приток беспризорных и безнадзорных детей в крупных районных центрах (Агрыз, Елабуга, Чистополь, Бугульма, Мамадыш). С улиц Казани только за 10 месяцев 1939 года органами милиции ТАССР было изъято 2528 детей в возрасте 10–16 лет: 969 беспризорных, 1372 безнадзорных, 149 заблудившихся и 38 подкинутых родителями (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2640. Л. 3).

Работникам детских домов предстояло решить непростые педагогические задачи. Так, привлекая детей к участию в бытовой и хозяйственной деятельности, они стремились бороться с потребительской психологией воспитанников,

¹ Между тем в 1935 г. на всесоюзном уровне было официально объявлено о том, что с детской беспризорностью в стране покончено.

отсутствием у них каких-либо привязанностей, небрежным отношением к имуществу детдомов и т. д. Наиболее подходящими для таких целей отраслями хозяйства считались те, в которых мог быть использован труд детей разных возрастов, в первую очередь огородничество, кролиководство, свиноводство (см. [5, с. 59–60]).

С целью улучшения материально-бытовых условий жизни воспитанников в 1932–1933 гг. детские дома Татарии перешли на создание подсобных хозяйств. Уже в 1934 г. в подсобных хозяйствах детских домов республики лошадей насчитывалось 53 головы, коров – 100, свиней – 122, овец – 161, кроликов – 173, а также 74 головы птиц и 65 ульев пчел (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 1965. Л. 3 об.). К концу 30-х годов XX в. при всех детдомах (за исключением Елабужского дошкольного, Мамадышского, Свияжского, Тетюшского, Ялкинского школьных детдомов) имелись свои подсобные хозяйства.

Одна из главных задач подсобных хозяйств при детдомах заключалась в улучшении питания воспитанников. На протяжении 30-х годов нормы питания детей в детских домах, как правило, были недостаточными. Так, материалы обследований ряда районных детдомов республики за 1931–1934 гг. показывают, что дети получали питание ниже полагающейся нормы (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 1810. Л. 24; Д. 2043. Л. 10). Продукты питания, потребляемые детьми, оставались низкокалорийными. В целом рацион воспитанников был крайне однообразным, в нем не хватало жиров и белков. Пища готовилась невкусно. Меню детдомовцев также было однообразным. Например, меню воспитанников Елабужского дошкольного детдома выглядело следующим образом: на завтрак – чай с молоком, 20 г белого хлеба и сахар; на обед – суп мясной или молочная лапша и черный хлеб; в 4 часа – чай с хлебом и сахаром; на ужин – каша и хлеб. Всего хлеба – черного и белого – в день выдавалось 500 г, сахара – 15 г, мяса – 50 г, макарон – 25–30 г, крупы (разной) – 50 г, овощей – 150 г, масла – 5 г (не всегда), молока на всех детей детдома выдавалось 1–2 четверти вместо положенной нормы (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 1810. Л. 29). Меню Елабужского детского дома для подростков было таким: утром – чай с хлебом и сахаром, на обед – суп или щи, на ужин – каша или лапша. Кипяток имелся в течение всего дня. На одного человека выдавалось круп разных 100–120 г, мяса – 75 г, сахара – 15–20 г, хлеба белого и черного – 600 г, разных овощей – до 300 г, жиров (не ежедневно) – 10–15 г (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 1810. Л. 31). Воспитанники детдома для подростков нуждались как в улучшении питания, так и в приобретении нового оборудования, одежды, белья. Плохо обстояло дело с питанием в Елабужской детской областной школе слепых – на человека приходилось 400 г хлеба, изредка выдавались крупы, сладостей (сахара) не получали по несколько месяцев. В Елабужской школе колхозной молодежи с февраля и до конца 1931 г. полностью отсутствовало снабжение мясом и жирами. На протяжении 1933 г. большинство детских домов республики недополучало продукты питания либо снабжалось только ржаной мукой (в недостаточном количестве).

В начале 1935 г. нормы продуктов питания на каждого ребенка районных детдомов, определенные Наркоматом внутренней торговли ТАССР, были значительно ниже норм, установленных центром, однако и они выполнялись не полностью. В Мензелинском детском доме в 1935 г. по норме № 9 на питание

одного ребенка в день выделялось 1 руб. 86 коп. В норму входило 700 г рыбы, 50 г мяса, 400 г картофеля, 150 г крупы, 50 г пшеничной муки, 20 г сахарного песка, 15 г соли, 0,5 л молока, 75 г капусты, 50 г огурцов, 20 г лука, 10 г масла и 5 г чая. Реально же выдавалось продуктов на 1 руб. 6 коп. – 500 г рыбы, 50 г пшеничной муки, 20 г сахарного песка, 15 г соли, 0,35 л молока, 75 г капусты, 10 г масла и 5 г чая (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2043. Л. 208). В 1936–1937 гг. воспитанники детдомов по-прежнему недополучали мясо, рыбу, масло, молоко. Так, в декабре 1936 г. меню Свияжского детдома слепых было однообразным: на завтрак – чай с белым хлебом, на обед – суп мясной и второе (мясное), в 4 часа – чай с хлебом, на ужин – картофельное пюре на маргарине (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2226. Л. 208). Фактически же два блюда на обед подавались далеко не всегда. Дети, находившиеся на патронате по линии наркоматов и сельских советов через колхозные кассы взаимопомощи, также недообеспечивались питанием, что вело к увеличению количества побегов детей и притока их в Казань. Недопоставка или полное отсутствие поставки продуктов детдомам в 1940 г. вынуждало руководство районных детских домов покупать продукты на рынке, на что тоже катастрофически не хватало средств.

Практически во всех детских домах наблюдалась значительная нехватка белья, как нательного, так и постельного (последнее, при наличии одеял и подушек, часто вообще отсутствовало). Более половины имеющейся в наличии одежды и обуви требовало ремонта или было непригодным для использования. Не хватало головных уборов, зимних пальто, валенок и ботинок. В некоторых детдомах у воспитанников совсем отсутствовали верхняя одежда и обувь.

Нужно отметить, что ограничения в питании, одежде, а также в возможностях приобретения товаров первой необходимости испытывали не только воспитанники детдомов, но и большая часть населения республики. Общий уровень обеспечения населения промышленными и продовольственными товарами в 30-е годы оставался невысоким. Многие деревенские жители также испытывали продовольственные трудности.

На протяжении рассматриваемого периода не было построено ни одного стационарного здания для детских домов или специальных школ. Ни один из детских домов не был обеспечен достаточной жилой площадью. Как правило, помещения, занимаемые детскими домами, были старыми, ветхими, требовали как внутренних, так и наружных ремонтных работ. Срочного капитального ремонта требовали здания Чистопольской и Бугульминской школ для глухонемых и Мамадышского, Бугульминского, Лаишевского, Мензелинского, Елабужского и Кокшанского школьных детдомов.

К концу 30-х годов XX в. материально-бытовые условия детских домов значительно не изменились. Столовые, уборные, умывальные комнаты оставались необорудованными. Часто дети проживали в холодных неотапливаемых помещениях. Из-за недостатка помещений дети были вынуждены спать в коридорах, столовых. На каждого ребенка вместо положенной по санитарным нормам общей полезной площади 10,9 кв. м и площади спальни 3,5 кв. м приходилось общей площади 7 кв. м, спальни – 2,5 кв. м.

Так, согласно материалам обследований в 1937 г. Чистопольского детского дома № 2 на двести человек имелось три здания – общежитие, столовая и клуб.

Столовая находилась в антисанитарном состоянии: грязно на столах, на полу и на окнах, помещение было неудобным и имело казарменный вид. У детей для приема пищи не хватало ложек, вилок, кружек и тарелок. Антисанитария наблюдалась и в общежитии – клопы, грязь, теснота. На койках спали по 2 человека, постель не дезинфицировалась. Из-за отсутствия стаканов и графинов с водой дети вынуждены были пить сырую воду из-под крана. У детдомовцев не имелось в достаточном количестве зубных щеток и порошка.

В антисанитарном состоянии находился и Займищенский детдом. Здания к началу учебного года остались без ремонта, детям негде было расположиться, чтобы готовить уроки. Воспитанники ходили в грязной одежде, не имели мыла и зубного порошка, пили сырую воду. Кухонные работники не соблюдали санитарно-гигиенических требований.

Казанский детский дом № 1 по материалам обследования 1938 г. также находился в антисанитарном состоянии. Детдомовцам приходилось спать по двое, в столовой и спальнях было грязно, на стенах пыль, двери расшатаны, на них отсутствовали ручки, окна в отдельных комнатах разбиты. В уборных также грязно, на полу стояла вода, дети босые умывались, а потом с грязными ногами ложились в постель. Часто не бывало кипяченой воды, поэтому дети пили сырую воду.

Санитарно-гигиеническое состояние Елабужского дошкольного детского дома в 1938–1939 гг. было удовлетворительным. Тем не менее недостаток жилых площадей приводил к тому, что около 30% детей вынуждены были спать по двое в одной кровати. Необходимые для расширения жилой площади 30–40 тыс. руб. были заложены в смету на 1939 г., однако Наркомфин и Наркомпрос выделили деньги только на текущий ремонт.

Материалы отчетов за 1939–1940 гг. показывают, что ситуация с антисанитарным состоянием ряда детских домов продолжала сохраняться. Следствием этого стало массовое заражение воспитанников педикулезом, чесоткой, трахомой и другими заразными заболеваниями.

В целом к 1940 г. детские дома ТАССР были переполнены, нормы вместимости не соблюдались. В целях повышения пропускной способности детских домов детей старшего возраста, так называемых переростков в возрасте от 14 лет, устраивали в школы фабричного обучения, на промышленное производство, в колхозы и совхозы для работы и обучения в производственных бригадах (СПР, с. 475). Только в 1939 г. в детдомах необходимо было определить на работу 190 детей; в результате к концу года было устроено 204 человека. В 1940 г. подлежало трудоустройству 300 воспитанников детдомов, в 1941 г. – еще 150.

Перед детскими домами в 30-е годы стояла задача не просто дать детям общее школьное образование, но и помочь им приобрести профессиональные навыки. Еще в январе 1931 г. Комиссия по вопросам ликвидации беспризорности указала на необходимость органичного слияния нормального школьного детдома со школой фабрично-заводского ученичества, школой колхозной молодежи. 5 мая 1931 г. Наркомпрос издал инструкцию о слиянии детдомов школьного типа со школами, а 26 мая совещание Деткомиссии союзных республик вынесло решение о прикреплении всех детских учреждений с 1 сентября 1931 г. к школам,

а через них – к производствам¹, МТС (машинно-тракторным станциям), совхозам, колхозам и т. д. [5, с. 24].

Дети младшего возраста приобретали навыки работы на уроках труда, где они не только учились элементам самообслуживания (пришивать пуговицы и вешалки, ставить простую заплатку), но и узнавали, как правильно подметать пол, проверять качество проделанной работы (правильно ли сложены дрова, истоплена печь, запряжена лошадь). Кроме того, они принимали участие в очередных дежурствах по детдому.

Старшие воспитанники работали на сельскохозяйственных участках (они принимали участие в уборке картофеля, чистке дорожек, работах на территории сада, обработке яблонь) и в специально организованных мастерских (столярных, корзиночных, сапожных, трикотажных, швейных). Ребята осваивали такие виды специальностей, как столяр, швея, сапожник. По окончании двухгодичной программы воспитанники получали 3–4 разряд рабочего, что давало возможность начать самостоятельную трудовую жизнь. Так, воспитанники Мензелинского детдома закреплялись за мастерскими с 12 лет, ежедневное посещение мастерской было обязательным.

Мастерские, в которых обучались воспитанники, выпускали изделия главным образом на нужды самих детдомов. И только в тех случаях, когда отсутствовал материал, брали заказы из сырья клиента. Среди создаваемой детдомовцами продукции можно назвать столярные изделия (табуреты, шкафы, столы, тумбочки, этажерки, рамки для портретов), швейные изделия (нижнее белье, платья, кофточки, юбки, гимнастерки), трикотажные изделия (шарфы, шапки, варежки, свитера, гамаши, рейтузы); кроме того, дети занимались пошивом сапог, туфель, ботинок и ремонтом обуви.

К сентябрю 1939 г. в 18 детских домах насчитывалось 44 мастерские, функционирование которых было сопряжено с рядом организационных, финансово-материальных и даже методических трудностей (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2641. Л. 5). Из-за отсутствия двигателей срывалась механизация мастерских. Очень часто мастерские находились в непригодных для работы помещениях. Не было достаточного количества оборудования, например, в швейных мастерских на группу в 20–25 человек было всего 3 машины. Не хватало инвентаря, необходимых материалов, сырья. Иногда при наличии хорошего оборудования отсутствовали опытные инструкторы и подготовленные преподаватели (например, в Новомирском и Мамадышском детдомах). Некоторые преподаватели-мастера недостаточно владели теорией мастерства, не умели передать знания учащимся. Мероприятия, направленные на повышение качества подготовки инструкторов трудового обучения для детских домов республики, не привели к желаемым результатам.

Контингент детей, находившихся в детских домах, особенно специальных, также оставлял желать лучшего. Среди воспитанников наблюдалось грубое нарушение дисциплины: ругань, курение табака, пение нецензурных песен, игра на деньги, вызывающее поведение по отношению к воспитателям. В детдомах

¹ На наш взгляд, производственное обучение на фабриках и заводах был связано с проводившейся политикой индустриализации, для реализации которой государство нуждалось в дополнительных источниках рабочей силы.

для трудновоспитуемых на стенах классов и комнат, на партах были нарисованы фашистские знаки, написаны нецензурные слова. Наряду с хулиганством были отмечены частые факты воровства. У некоторых детдомовцев имелись ножи. Бывали случаи, когда воспитанники на уроках слесарного мастерства изготавливали ключи, ножи, кинжалы и даже самодельное огнестрельное оружие (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2227. Л. 7, 12).

Несмотря на столь нелегкие условия работы, участвующая задержку заработной платы, отдельные педагоги и воспитатели предпринимали немало усилий, чтобы адаптировать детдомовцев к условиям обычной жизни. Они честно и добросовестно выполняли свою работу, заботливо относились к воспитанникам, проводили дополнительные занятия с отстающими, стремились применять индивидуальный подход к каждому ребенку (Кураловский, Лаишевский, Тетюшский детдома). Однако гораздо чаще имели место непедagogические меры воспитания: грубое отношение к детям со стороны воспитателей и обслуживающего и технического персонала, избиение детей. Это нередко приводило к побегам воспитанников из детдомов, в результате чего усилия по социализации беспризорных детей сводились на нет.

Педагоги детских домов, несмотря на проводившиеся курсы, не отличались высоким профессионализмом. Комплектование кадрами было неудовлетворительным, педагогов не хватало, имела место текучесть кадров – за год в группах отдельных детдомов сменялось по 3–4 воспитателя. И если педагоги в большинстве своем имели достаточное образование – специальное среднее, общее среднее – и большой педагогический стаж, то воспитатели, как правило, имели либо среднее и неоконченное среднее, либо начальное образование. Недокомплектованность детских домов соответствующими кадрами, низкая квалификация сотрудников сказывались на постановке учебно-воспитательной работы в детских домах. На 1936 год в 22 детдомах республики по штатам должно было состоять 146 воспитателей (не хватало 31 человека) и 53 педагога (не хватало 32 человек). Из 22 полагающихся по штатам заведующих детдомами было только 18. По утверждению Штатной комиссии при Наркомфине РСФСР, штат работников детских домов на 1937 г. необходимо было увеличить в 1,5 раза. В 1938 г. учителей (только спецшкол) было 73 человека, воспитателей – 236 человек, в том числе 112 – в школьных детдомах, 63 – в спецшколах, 61 – в дошкольных детдомах (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2381. Л. 34). В 1939 г. в детдомах насчитывалось 232 воспитателя и 143 учителя. К 1 сентября 1939/1940 уч. г. в детдомах республики по-прежнему не хватало 65 педагогов и воспитателей (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2640. Л. 30).

Такие факторы, как плохие материально-бытовые условия, нехватка еды, необеспеченность одеждой и обувью, не всегда корректное отношение воспитателей к детям, вызывали большую текучесть воспитанников и способствовали развитию так называемой повторной беспризорности.

Своеобразной формой сокращения детской беспризорности в республике в 30-е годы стало патронирование¹ детей – перераспределение их на воспитание

¹ Речь идет о патронировании детей старше 4 лет через органы Наркомпроса. Патронирование детей в возрасте до 4 лет осуществлялось через органы Наркомздрава.

в крестьянские семьи (см. [6, с. 100–102]). В 1934 г. в работе по линии патронирования участвовало 44 района ТАССР. Лучшие результаты показали Елабужский, Чистопольский, Бугульминский, Сармановский и Дубьязский районы.

Патронируемые подростки, достигнув 16-летнего возраста, автоматически становились членами колхоза; в случае если воспитанник не желал этого, его из колхоза должны были отпустить. Труд детей, патронируемых в колхозах, должен был быть связан только с обучением. Дети, достигшие 12 лет, могли привлекаться к посильному сельскохозяйственному труду в пределах законодательных норм [6, с. 108]. Например, в 1935 г. патронируемые одного из районов республики занимались сбором огурцов и колосков, были караульными на огородах, а также работали в детских яслях, которые создавались в колхозах на время полевых работ. Некоторые патронируемые ребята заработали от 45 до 99 трудов дней и получили по 22 фунта зерна за трудов день (Чистопольский район), что указывает на хорошее отношение колхозников к патронируемым (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 1963. Л. 28 об.).

В 1933–1934 гг. на патронирование предусматривалось выделять ежемесячно 25 руб. на человека, к 1937 г. эта сумма возросла до 36 руб. Согласно инструкции Детской комиссии при ВЦИК кассам взаимопомощи колхозов по проведению патронирования сирот в семьях колхозников на кассы взаимопомощи колхозов возлагалось не только содержание детей-сирот, но и оказание помощи детям колхозников, впадших во временную нужду. На 1935 год из резервного фонда СНК СССР дополнительно для оказания поддержки через кассы взаимопомощи предусматривалась доплата в 30 руб. на каждые 100 руб., расходующие кассой на помощь сиротам и детям временно впадших в нужду колхозников (СПР, с. 476).

Согласно Постановлению СНК ТАССР от 8 сентября 1935 г. «О распределении и порядке расходования 40 тыс. руб., отпущенных ТАССР из резервного фонда СНК СССР для помощи кассам общественной взаимопомощи колхозов на содержание детей-сирот и помощь детям временно впадших в нужду родителей» выделенные средства были распределены по районам республики. Например, в Теньковский (упразднен в 1958 г., территория распределена между Верхнеуслонским и Камскоустыньским районами) и Новошешминский районы было направлено по 320 руб., в Агрызский, Красноборский (часть современного Агрызского района), Мензелинский, Спасский, Таканышский (северная часть современного Мамадышского района) и другие – по 800 руб., в Аксубаевский, Бондюжский (современный Менделеевский район), Балтасинский, Арский и другие – по 1200 руб. (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2091. Л. 25).

На 1939 г. контингент патронируемых по районам республики детей был утвержден Наркомфином в 1178 человек. Фактически же беспризорных, направленных на патронирование, насчитывалось 1759. Выделяемой государством ежемесячной суммы было явно недостаточно для создания нормальных условий жизни. К тому же патронатным пособием были охвачены только 1138 детей. Это тоже являлось одной из причин увеличения повторной беспризорности.

Проверки показали необеспеченность патронируемых детей одеждой и обувью, так как они не были включены в централизованную систему обеспечения. Торгующие же организации на местах, как правило, ничем не могли помочь

из-за элементарных недопоставок товаров первой необходимости в сельские районы республики.

На 1 июня 1940 г. патронируемых детей насчитывалось 1705 человек, из них 67 до конца года подлежали снятию с патроната. Еще 896 детей нуждались в определении на патронат.

Согласно Распоряжению Наркомпроса и Колхозцентра № 662510 от 16 января 1930 г. «Об условиях передачи воспитанников детских учреждений в колхозы на патронирование» предполагалось, что в колхозы направляются здоровые и дисциплинированные дети исключительно в добровольном порядке [6, с. 108]. На практике же детдома часто стремились передать на воспитание колхозникам недисциплинированных или больных ребят (Чистопольский, Бугульминский детдома). Имели место случаи, когда, направляя детей на патронирование, отдельные РОНО совершенно не учитывали национальную принадлежность детей (Аксубаевский, Первомайский детдома). Некоторые заведующие РОНО передавали детей своим родственникам, родителям (Верхнеуслонский детдом).

Хорошо была организована работа в Елабужском районном исполнительном комитете, председатель которого проводил совещания при участии всего низового актива, а затем весь состав пленума ходил в детдома. Представители колхозов разговаривали с детьми, выбирали ребят на воспитание в свои колхозы.

Обследования Комиссии Наркомпроса РСФСР и Деткомиссии показали, что количественно работа по патронированию в республике была удовлетворительной, а вот качественно далеко не всегда отвечала установленным требованиям. Имели место случаи, когда воспитанники находились в хороших условиях, были прикреплены к школам и даже «обучались в 10-летках», жили на квартирах, нанятых колхозами в других селах, где имелись соответствующие школы (например, в деревне Сентяк Елабужского района были устроены на обучение 6 человек из соседней деревни). Однако в большинстве случаев патронирование не всегда проходило на должном уровне. Материалы актов обследования условий жизни патронируемых детей, находящиеся в фондах Национального архива РТ, показывают следующую картину. Дети, взятые колхозами из детских домов на патронат, часто голодали, не имели одежды, кровати и своего постельного белья. Многие вынуждены были жить в неотапливаемых, непригодных для жилья помещениях – пожарном сарае, клубном помещении, так как им долго не предоставляли квартиры или хозяева брали их к себе в дом на короткие сроки. Некоторые дети, взятые колхозами на патронат, но не устроенные на квартиры, вынуждены были вести бродяжий образ жизни, пускаться в бегство и возвращаться в детдом. Были случаи несвоевременного заключения договоров с отдельными колхозниками, вследствие чего дети вынуждены были кормиться по дворам (Бугульминский, Пестречинский районы).

Семьи, принимавшие детей на воспитание, также не всегда имели достаточно хорошие материально-бытовые условия, и появление в доме еще одного рта ухудшало и без того бедственное положение. Тем более, как показывают акты обследования, зачастую положенные патронируемым ежемесячно деньги РОНО не выделялись. Например, девочка Яшанкина была принята на патронирование семьей из Арского района. Общий доход семьи, насчитывавшей 8 человек, вместе с пособием на девочку составлял 220 руб. в месяц на 9 человек.

Материалы поступавших жалоб и актов сплошной проверки состояния патронируемых детей в 1940 г. в основном свидетельствуют о неудовлетворительном материально-бытовом обеспечении. За неимением одежды и обуви многие дети не посещали школу, некоторые пополняли ряды безнадзорных, становились участниками преступлений. Для разрешения существующей ситуации необходимо было увеличить количество патронируемых детей до 2533 человек и повысить патронатное пособие до 75 руб. в месяц.

В целом проблема детской беспризорности к концу 30-х годов XX в. так и не была окончательно решена. Работа в этом направлении включала проведение как эпизодических, так и систематических мероприятий. Главными задачами оставались вопросы снабжения детей продовольствием, одеждой и школьными (учебными) принадлежностями.

Summary

I.I. Khanipova. Child Homelessness in 1930s TASSR.

Based on the complex analysis of unpublished originals, this article touches upon one of the most important problems in the social history of 1930s TASSR – child homelessness. Special attention is paid to the growth of child neglect as a result of the famine of 1932–1933 and the late 1930s and the life of homeless children during the prewar period.

Key words: famine, poverty, child homelessness, neglect, reception centre, orphanage, patronage.

Источники

НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. Р-3682 (Министерство просвещения ТАССР).

СПР – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» // Сб. постановлений и распоряжений СССР. – 1935. – № 32. – Ст. 252. – С. 473–477.

Литература

1. Ханбекова А.Э. Социально-демографические аспекты проблемы безнадзорности и беспризорности детей и подростков // Вестн. Нижегород. ун-та. Сер. Социальные науки. – 2008. – № 1 (9). – С. 130–137.
2. Славко А.А. Государство и беспризорность в 1930-е годы: система функционирования детских домов // Вестн. СамГУ. – 2009. – № 1 (67). – С. 23–27.
3. Ханипова И.И. Экономика потребления на селе в конце 30-х гг. XX в. // Изв. О-ва ист., археол. и этногр. при Казан. гос. ун-те. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – Т. 1. – С. 155–162.
4. Ханипова И.И. Уровень жизни сельского населения ТАССР во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. // Региональные социально-экономические программы стабилизации и развития АПК: Сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. – Пенза: Приволж. Дом знаний, 2006. – С. 90–93.
5. Утевский Б.С. Детский дом. – М.; Л.: Наркомпрос РСФСР, 1932. – 64 с.

6. *Утевский Б.С.* Борьба с детской беспризорностью. – М.; Л.: Наркомпрос РСФСР, 1932. – 148 с.

Поступила в редакцию
17.01.11

Ханипова Ильнара Ильдусовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань.

E-mail: ihanipova@mail.ru